

ЕЛЕНА НЕСТЕРИНА

СКЕЛЕТОВА ТОПЬ
(ПРЕДПОСЛЕДНИЙ
ДИНОЗАВР)

Ужасные истории (страшилки)

Елена Нестерина

Предпоследний динозавр

«Елена Нестерина»

Нестерина Е. В.

Предпоследний динозавр / Е. В. Нестерина — «Елена Нестерина», — (Ужасные истории (страшилки))

Болота... Над ними сгущается сумрак, встают туманы. Никому не захочется отправиться в такое негостеприимное место. Никому – кроме Никиты, мальчишки, вооруженного спутниковым навигатором. Пусть верный квадроцикл завяз в трясине – Никита попробует пройти болото пешком. Ведь только он может спасти свою команду от позорного поражения в суперинтересной и сверхсложной игре... А тем временем поблизости происходит что-то странное, даже пугающее. Над трясинной разносится оглушительный рев неизвестной твари. Неужели отважного мальчишку ждет встреча с этим существом?

Содержание

Пролог	5
Глава -4. Непроезжая дорога	7
Глава -3. Халтура – русская народная забава	11
Глава -2. Чап, чап, чап...	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Елена Нестерина

Предпоследний динозавр

Пролог

Болота. С чёрной торфяной водой; с покрытой ржавой плёнкой водой железистой; с водой зелёной, протухшей, или с густой, тягучей и бурой водой из-за гниющих в ней древесных стволов. Меняется вокруг них жизнь, леса вытесняются полями и человеческими жилищами. Брошенные, эти поля и жилища ветшают, зарастают бурьяном, постепенно их снова покрывают леса. И только болота тысячелетиями сохраняются в своём неизменном виде. Их пытаются осушать, но болота упорнее и сильнее, чем те, кто ведёт борьбу с ними, поэтому чаще всего люди предпочитают не связываться. И обходить болота стороной, стороной...

Миллионы лет назад деревья точно так же падали в стоячие воды, падали и разлагались, кормили собой, топили собой, устилали собой дно и создавали обманную болотную зыбкость; миллиарды зверей и птиц за эти миллионы лет рождались и умирали на болотах. Гнили их внутренности, медленно распадались кости. Всё это бурлило и томилось, смешиваясь с болотной водой и землёй, и что-то странное вырастало порой на таком корме, такой почве. Непролазные топи, обширные трясины с блуждающими огоньками, которые с ранних сумерек манят своей призрачной пляской – и уводят в смерть, в небытие, если ты, доверчивый, поддашься желанию следовать за ними. Бездонные бочаги, в каждый из которых можно ни с того, ни с сего ухнуть, чуть оступившись с сухой тропинки – ах! – и упал ты в недра земные, сомкнулась над тобой зыбкая твердь болотная. Нет тебя больше, путник, нет... Но если удастся, если повезёт, если всё сложится – можно отыскать на болотах весёлую сухую горочку, ровную проплешину с надёжной твёрдой почвой и бьющим из земли чистым ключом. Или огромный пещеристый валун, под которым можно устроить ночлег, или рощицу посреди редколесной болотной мари, клюквенную или брусничную поляну – всё это родилось и живёт на болотах. Иди, путник, иди, не вреди. И живи – если сможешь.

Какие законы правят этим зыбким таинственным миром? Как везде? Сильный пожирает слабого, шустрый – разяву, тяжёлый давит лёгкого, а крупный – мелкого? Они странные, болотные жители, их много разных – таких, каких мы и не видели, каких просит воображение, но не замечал ещё глаз. Не верится, что такие существуют – но есть они, хотелось бы то людям или нет. Такая птица вдруг поднимается с болот, такой зверь приплёпывает со своих диких топей – что поди разбери человек: примерещилось это или на самом деле древняя неведомая тварь на глаза явилась?

Всё другим становится на болотах. Вот и жители болотные не злые, не добрые, не полезные и не вредные. Они – другие. И иначе никак. До людей болотам нет дела – нет дела, как, по большому счёту, и всему остальному миру до людей нет дела, будь то лес или морская пучина. Кто убедит себя, что его любит океан, что ему везёт в джунглях или что тайга его второй дом, – так пусть оно и будет. Не тепло от этого тайге или джунглям и не холодно. Болотам ВСЁ РАВНО совсем. Болото даже видимости дружелюбия и расположенности не создаёт. Потому и трудно ощутить радость от встречи с природой среди его хлябей...

Так что нет болоту дела до твоего спокойного мужества, отважный путешественник, как ни бодрись, ни старайся, ни находи кратчайшие пути и ни прокладывай безопасные маршруты. Слишком много растворено в болотах страха и отчаяния, слишком много ужасной и неотвратимой смерти случилось на них. Никто не считал, сколько, начиная с самой далёкой древности, каких-нибудь, например, мастодонтов упало и утонуло, запутавшись в корнях болотных растений, оступившись на кочке и рухнув в бездонную трясины. Страх огромной зверюги перед

неминуемой смертью не сильнее страха тонущей мышки, но он громче, яростнее. А болотная сила, засасывающая гиганта, – это сила земли, она неистошима. Вот и тянуло вниз загнанного мамонта, тащило на неведомое дно неосторожного динозавра, отбившуюся от стада корову. И тонули они с вытаращенными от предчувствия близкой смерти глазами, гребли ногами, мотали головой – боролись за жизнь, ревели, наполняя своим ужасом пространство. Но топь неотвратно затягивала их. Гиганты ещё видели свет, ещё могли дышать – и понимать не хотели, что им уже не выбраться. В конце концов замирал их крик, заливала глаза болотная жижа. И последний выдох вырывался из трясины жирным пузырьком. Хлоп – лопнул пузырь, всосало болото огромного зверя. Ещё одного не будет больше на свете, не будет уже никогда, не будет... И только его отчаяние, его боль растворится в болотной воде, прорастёт травой, скопится в тине. Тысячи, миллионы, миллиарды смертей. Бездна отчаяния. Вот потому-то воды болотные, болотные жители, цветы, деревья и травы тихи и печальны – они рождаются с памятью об этом отчаянии, смертной тоске и ужасе.

Так и живут.

Не один год надо прожить на болотах, чтобы хоть немного стало о них ясно. Прожить, краешком-краешком, шагком за шагком приближаясь к их тёмным недрам, всё видеть, всё слышать, слушать и выслушивать, нюхать, трогать, запоминать. И чувствовать – как зверь, как ящерка, гадючка, как чуткая холодная жаба на тряской болотной кочке... Не запомнишь, не поймёшь, не сделаешь верного шага, который подскажет тебе память тела, о котором просигналит тревожная душа, – пропадёшь, сгинешь. Затянет болото. Опасно оно, опасно. Очень опасно. Бо-ло-то-о-о-о...

Так куда же ты бредёшь, молодой-молодой человек с умным гаджетом в руке? Куда ведёт тебя спутниковый навигатор? Куда прокладывает дорогу? Тебе туда надо? Ты уверен? Ты сможешь? Уверен точно?

Уверен?

Уверен?!

Оп!..

Оступился. Упал.

Вылез.

Повезло! Ну, иди дальше.

Иди.

Глава -4. Непроезжая дорога

Медленно, но неотвратимо напоздали сумерки. Хорошо ещё, что в этих краях они будут длинными-длинными: сядет солнце, небо начнёт потихоньку темнеть и поблёскивать звёздами, а косые лучи уже закотившегося за линию горизонта светила продолжают раскрашивать запад. Так что видно – не очень хорошо, но всё-таки видно будет долго. Настанет ночь – хоть не белая, но и не чёрная, как на юге, – только после двенадцати часов. А то и позже. Но уже ближе к четырём утра опять небо заиграет жёлто-розовым, так же долго, как и закатывая, теперь выдавливая солнце из-за горизонта.

Такие тут края.

И сейчас вот близятся сумерки. Которые долгие. Ну, хорошо – значит, часа три точно имеется в запасе. Можно успеть.

Названия населённых пунктов в этой местности оказались почему-то сильно перепутаны. Встреченный на краю деревни абориген утверждал, что она называется Краснобуровка, на бумажной карте эта точка значилась как Филактово, а GPS-навигатор привёл сюда Никиту как на Анафилактовы выселки. И это была всего лишь промежуточная точка его маршрута! Если такая каша пойдёт и дальше, то он просто потеряется. Тупо потеряется. Заблудится. И всё...

Но если это действительно Анафилактовы выселки, значит, Никита двигается в верном направлении. Три километра через лес – и должна быть деревня Всклень. По крайней мере, и в карте навигатора, и в бумажной карте Всклень была Вскленью. Но это если ничего не перепутать и не уйти на северо-запад. А если уйдёшь на этот северо-запад – то тогда вместо Всклени попадёшь просто и неинтересно – на болото, которое тянулось в сторону севера и северо-запада на сотню километров.

А во Всклени у Никиты было важное дело.

Три километра по навигатору и карте, к тому же не дурачком через лес, а всё-таки по соединяющей эти две деревни дороге, – это совсем недолго. Неопасно. Несложно. Да и вообще – всё «не». Неприкольно – вот ключевое слово ко всей этой незадачливой истории. Тупо идти – чтобы тупо сдать.

Потому что Никитина команда тупо проигрывала. И время, и набранные очки – в недостаточном количестве набранные! – всё говорило об одном: «Тупо слились. Тупо проиграли. Уезжайте отсюда, тупые!»

Шанс был – маленький, практически нереальный – но был. Если взять и раньше команды соперников установить на доминирующей точке местности игровой флажок с символикой. Своей команды символикой, это понятно. Синий такой флажок с перекрещенными на нём молотком и линейкой.

Но для него не хватало дровка. Оно состояло всего из четырёх частей. И чтобы собрать это дровко, все четыре части необходимо было отыскать на необъятных просторах этой пересечённой, трудной, очень трудной для жизни и передвижения местности. Команда Никиты – команда техников – отыскала пока только одну такую часть.

Их противники, юные экологи (на их зелёном флажке был изображён пятнистый дракон – и именно у этого дракона был огромный шанс красоваться на флажке), насобирали по лесам и лугам целых три части. За каждую найденную составную часть дровка полагалось сто очков. За каждого выбывшего игрока минус двадцать. У техников было на счету всего шестьдесят очков...

Очередной игрок выбыл полтора часа назад. Когда квадроцикл, на котором Никита мчал вместе с другим парнишкой, тоже отправленным на это задание, выехал на кривую просёлочную дорогу, произошёл казус. Увидев впереди, что дороги пересекаются, ребята решили сократить путь – им нужно было попасть на ту, которая вела вправо, и помчали по лугу. Возле дороги

виднелась небольшая канавка, поросшая кудрявой травой с разлапистыми, как у винограда, листьями и мелкими белыми цветочками. С ходу её квадроцикл не взял – хотя обычно переезжал и куда более серьёзные препятствия. Ухнул передними колёсами и остался так лежать, гневно крутя задними. Чтобы вытолкнуть средство передвижения, ехавший пассажиром Артём прыгнул в канавку. А под травой в этой канавке оказалась пустота с наваленным туда хворостом. Распорол Артёмчик ногу – от щиколотки до колена, распорол и, кажется, сломал, так ему было больно. Больно и обидно. Эх – вот если бы они с Никитой занимались ботаникой-зоологией-экологией, то знали бы, что перед ними не кудрявая травка, а обвивающий всё на пути своего роста «бешеный огурец». Обвил коварный бешеный огурец сплошным, невинно цветущим бело-жёлтенькими цветочками ковром колючий, кем-то наваленный в канаву шипастый хворост – и отправляйся теперь, Артёмка, на больничную кровать, а Никита пили один на задание...

Взрослый наблюдатель, который ехал метрах в пятидесяти позади, тут же примчался, рассказал про этот самый оплетающий всё и вся треклятый огурец, погрузил Артёма в машину и повёз лечиться. Из игры, таким образом, Артём выбыл. Ещё минус двадцать очков... Что очень плохо – и потому, что игровых очков уменьшилось. И, главное, потому, что человеком в команде стало меньше.

Так, один, без специально подготовленных для этого взрослых (наблюдатели фиксировали каждый выход на точку маршрута, всё сообщали в штаб игры, да и вообще отвечали за безопасность юных игроков, а потому всегда двигались за ребятами), Никита направлялся на точку Всклень. Там был заложен второй элемент флагштока. За третьим где-то далеко охотилась основная часть команды.

Техникам долго не везло. Когда экологи обнаружили уже третью составную часть, их команда, долго провозившись со своей пресловутой «техникой», переругавшись и измучившись, нашла только первую. Это была середина – с обоих концов у полой трубки были видны крепления. К тому же одна сторона шире по диаметру, другая уже. Середина и есть. В приложенной к трубке записке были указаны координаты, по которым надо было искать все остальные части. Но так эти координаты были запутанно обозначены, что целых два дня игры ушло на то, чтобы хоть как-то в этом разобраться.

Но вообще игра была интересная! Даже проигрывать в неё оказалось приятно. По крайней мере, без сожаления так проигрывалось (это, конечно, если забыть горестные стенания про «тупое» происходящее и «тупых» самих себя)... Вообще Никита был счастлив, что его отобрали в команду техников – он много лет подряд занимался во Дворце технического творчества молодёжи, переходил во все кружки и студии. Освоил, кажется, всё. Уже собирался бросать, начинать вести светскую жизнь, достойную молодого человека четырнадцати лет. А тут в начале весны – раз! – пришло известие, что его кандидатуру выдвинули на эту самую игру. Самого смыслёного, самого способного в технических науках, к тому же умеющего оригинально мыслить. А дальше всё понеслось само собой, от Никиты уже ничего не зависело.

Повезло. Он же, ничего для этого не делая, обошёл, как выяснилось, множество конкурентов из разных городов страны. И вот он здесь.

Кружит по каким-то Анафилактовым выселкам.

Выселками деревня не выглядела. Хотя, как именно должны выглядеть выселки, Никита точно не знал. Выселки – это Никите было примерно понятно: когда кто-то выселился из основного населённого пункта, села там или деревни, и живёт себе от всех независимо. Или же его попросту выселили. Откуда-то. Запретив соваться в остальные населённые пункты.

Вот вам и выселки.

А тут не выселки – деревня. Два длинных ряда домов. Пусть половина брошенных – но кто-то ведь когда-то нависелялся сюда в таком количестве?

В условиях игры было предусмотрено, что команда техников должна передвигаться, используя технические устройства. Их, их и ещё раз их. Не бросать сломанную технику, чинить. Тащить за собой, если откажет.

А экологам, наоборот, – пробираться только своим ходом, применять любые, но только из природных материалов самостоятельно сделанные устройства. Им даже лошадь выдали. Одну. Разведчикам техников удалось подсмотреть, как экологи колбасились с этой лошадию, начищая, седлая и рассёдлывая её, как устраивали лошадь на ночлег – а она вырывала вбитый в землю колышек, к которому её привязывали, и убегала от них. И, вместо того чтобы спать, экологи гонялись за ней. Кончилось тем, что на лошади у них ездил одна и та же девчонка, которую вредная скотинка согласилась слушаться, перевозила на этой лошади палатки и прочие вещички, а остальные передвигались пешком. У команды экологов не было ни навигаторов, ни телефонов и прочих средств связи. Только бумажная карта. И, конечно, армия наблюдателей. В отличие от них самих, эта армия была на машинах.

Так вот экологам явно было легче. Передвигаясь на своих двоих, юные экологи быстро освоили местность, даже без мобильных телефонов им удавалось передавать друг другу информацию. Ни горючего, о котором надо постоянно помнить, ни зарядных устройств, к которым надо периодически подключать многочисленные устройства, нуждающиеся в питании – а значит, всегда держаться поблизости от электрических сетей. Всё силами собственных организмов и подручных средств. Как с писаной торбой носились техники с переносной автономной электростанцией. Вроде бы вещь очень нужная, но... На то, чтобы всё наладить, привезти, перевезти – требовалось время. Всё то же игровое время. Которое таяло, таяло...

Если к послезавтрашнему вечеру никто не установит своего флажка на самом высоком холме данной местности, победит та команда, которая лидирует по очкам. А какая команда по очкам-то лидирует? Правильно...

Подумав об этом, Никита гневно поддал газа. С рёвом понёсся квадроцикл по деревне.

Солнце садилось за крышу дома, возле которого Никита увидел старушку. Именно эта старушка внесла ясность в картографическую путаницу. По этому населённому пункту проходила граница областей. Когда-то давно делили-делили, да и напутали. И теперь на картах Новгородской области это местечко называется Краснобуровка, а на картах Псковской – Филактово. И уж каждый сам тут решает, где он живёт. Почту сюда давно не возят, не нужна она никому. А когда раньше присылали письма, то приносили её оттуда, откуда бог пошлёт – то с почтового отделения, который на Псковской территории, то с того, который на Новгородской. Так и за пенсией – куда каждый приладился ходить, туда и ходит.

– Я живу в Филактове – потому что у дочки во Пскове прописана, – сообщила старушка, смешно заменяя в своей речи буквы «с» и «ч» на «ц», – а новгородские, стало быть, в Краснобуровке проживают. Да и то, думаю, не все. Некоторым и вообще всё равно.

Она сказала «вообще» – и получилось у неё очень трогательно, как у ребёнка, который недавно научился говорить.

Никита хихикнул. Но тут же опомнился – а Анафилактовы-то выселки?!

– Да не знаю. Может, когда-то тут и были выселки. Кого-то выселили, может, при царе, может, при социализме, – процокав, точно белочка, «при социализме», махнула рукой вдаль старушка. – А сейчас кого сюда выселять? Да и откуда? Не-ет, мы филактовские.

Никита успокоился. По крайней мере, он ничего не напутал и движется в верном направлении. А о том, что за допотопную карту залили в навигатор, он решил при первой же возможности спросить у руководителей. Выселки – ха!

Старушка показала дорогу на Всклень. Удивилась, что ему вдруг туда понадобилось, но показала. И добавила, что дорога давно не езженная, заросла. На такой машине не проехать. В старые времена лошадь с телегой – и то не всегда проходила, так что те, кому очень в эту Вск-

лень было надо, бегали туда пешком. Далеко, неудобно, в обход болота, потому что напрямки через это болото не пройти. Даже на старушкиной памяти из Филактова во Всклень мало кому было надо, а уж сейчас...

– Дорогу-то видно – иди по сухому, в топкие места не сворачивай. – Местная жительница махала рукой в нужном направлении. – Но тогда тебе обязательно топор нужен – путь расчищать. Дать топор-то?

Никита от топора отказался. У него был с собой походный топорик, если что, справится.

– Мы во Всклень-то и не ходим давно, – сообщила старушка. – С той стороны до неё дорога хорошая, а с нашей, говорю же, – брошенная. Что у вас за игра такая – по брошенным дорогам ездить, по лесам да болотам? Головы не жалко? Тут у нас не зевай. Во все времена жизнь в наших краях – копейка. Недосмотрел – пропал...

– Ой, не пугайте... – отмахнулся Никита. – Вон у меня сколько техники – телефонов, спутниковых навигаторов всяких. Только дам сигнал – и ко мне придут на помощь. Моментально! Тут всё серьёзно.

Старушка даже улыбнулась – так лихо он сейчас выглядел.

– А то оставляй-ка тут свою машину да иди, правда, лучше пешком, – предложила она, но Никита не мог послушаться её совета.

Тем более что был уверен – те, кто составлял игру, дорогу проверили и гарантируют, что проехать по ней можно. Как бы тогда машина с наблюдателем за ним по неезжалой дороге прошла? Ведь внедорожник значительно шире квадроцикла. Да никак. Проверяли они, непременно проверяли – так что нечего и париться.

Бабуля позволила Никите сменить во фляжке воду на свежую, вынесла из дома толстый картофельный блин с вареньем, который Никита благодарно смолотил на улице.

И, снабжённый пожеланием счастливого пути и заверением, что до Всклени лесом недалеко, Никита дал по газам. Солнце садилось...

Глава -3. Халтура – русская народная забава

Мотовездеход, или, как его чаще называют, квадроцикл, такой модели, как у Никиты, развивает на трассе скорость до шестидесяти километров в час. По просёлочной дороге сорок. По бездорожью до двадцати. За сколько времени он пройдёт по лесу эти злосчастные три километра до деревни Всклень? Полчаса – это если плестись как черепаха. Тяжёлая, неуклюжая, очень медленная черепаха.

А быстрый квадроцикл, подсакивая хорошо накачанными колёсами на кочках, за минуту лихо пролетел чуть ли не полкилометра. Дорогу Никита видел хорошо, хоть в лесу были уже сумерки.

Но она сужалась, эта дорога. Действительно, напозлали на неё из леса кусты, вдруг выскакивали из земли большие муравейники, да ещё дерево – упавшее и вырванное из земли с гигантским корнем, – эту дорогу перегородило. Направив квадроцикл сильно вправо, Никита перескочил его по тонкой части ствола. Даже не подпрыгнул.

И скоро дорога превратилась в тропу. Широкую, но для четырёхколёсной машины непригодную. Как её инспектировали устроители игры – непонятно. По правилам пути команды техников пролегали по пригодным для езды дорогам. Получалось более длинно, зачастую в объезд – а экологи-пехотинцы бегали везде напрямки. Наматывали за день много километров, растирали усталые ножки. И кто их знает – завидовали техникам или нет. Лучше плохо ехать, чем хорошо идти, как говорится. Или же нет – в данном случае?

Никита заглушил мотор, прищурился и посмотрел вперёд, на дорогу. Ну невозможно по ней ехать, бабка правильно сказала. Тогда как задание его звучало именно так – Всклень, и никаких гвоздей! Ну как их с Артёмкой могли отправить по такой дороге?

Значит, как обычно – кто-то накосячил. Отчитался проверяльщик, что проверил. А сам даже и не заехал сюда. Если бы заехал, то увидел, какая тут непролазность. В общем, понятно: опять халтура – русская народная забава. Или болезнь.

К такому выводу пришёл Никита, взялся за руль и повёз своего коня вперёд. Кое-как объезжал огромные кочки, безжалостно давил выросшие на дороге молодые деревья, выпихивал квадроцикл из ухабов. Стрелка на навигаторе не давала поводов для волнения – шёл он правильно. Только очень медленно.

А темнело.

Мобильный телефон принимал еле-еле – это несмотря на то, что для игры в этой местности установили специальный ретранслятор, так что он должен был усиливать сигнал. Наверное, это потому, что тут начиналась низина – дорога шла немного под уклон. Никите позволили координаторы, спросили, как он. Скоро ли доберётся до точки «Всклень» и где его сейчас искать наблюдателю, который сдал Артёма в больницу и готов снова следовать за ним. Володя, восемнадцатилетний наблюдатель, подъезжал сейчас ко Всклени с другой стороны, по дороге, и Никита предложил ему встретиться там. На окружной путь через Филактово – оно же Краснобуровка – оно же Анафилактовы выселки – ушло бы больше двух часов. А так он уже скоро прибудет.

Это была хорошая информация. Никите стало спокойно, появилась какая-то здравая уверенность: его ждут, он не одинок среди этих лесов.

К тому же два раза звонили свои – оба раза с мобильного телефона командира техников Толи Нерухомского. Один раз он сам, другой раз позвонила Говерюкина, единственная девочка в их команде. Команда когда-то насчитывала шесть человек (теперь же всего четверо их осталось – без выбывших травмированных невезунчиков). Нерухомский сообщил, что ничего они не нашли, утопили в ручье электростанцию – треснул мостик, по которому они ехали, плохо закреплённая на квадроцикле бандура станции улетела вниз. Вытащили – но она ударилась о

донные камни, намокла, что-то в ней повредилось, теперь они вдвоём с москвичом Сидоровым сидят, разбирают. Говерюкина одна уехала искать флагшток. С темнотой вернётся в лагерь. Пока молчит.

А скоро сама Говерюкина позвонила узнать, что произошло с Артёмом. Не как там Никита, а что с Артёмчиком приключилось – в подробностях... На момент звонка Говерюкина уже вернулась, объект не нашла, свой телефон разрядила. Он мучительно ловил сеть – ну и доловился. А не нашла потому, что, видимо, совсем всё они перепутали, когда высчитывали координаты этой точки. Надо всем садиться, устраивать мозговой штурм, внимательно читать найденные документы с координатами и высчитывать местонахождение объектов заново.

– Береги имущество, Никита, – не посоветовала, а просто потребовала Говерюкина.

Никита улыбнулся и пообещал беречь. От такой красавицы, как она, даже команду приятно услышать. Потому что она обращена лично к тебе, эта команда... Никита простил Говерюкиной Артёмчика.

Интересно, а как с наступлением темноты Никита будет искать нужную точку маршрута, как отыскивать дурацкую дюралевую трубку? Пусть навигатор запрограммирован так, что он должен привести на точку с погрешностью буквально в пять-десять сантиметров. Но что это будет? Яма с закопанной там деталью? Сарай какой-нибудь? Первая, удачно найденная часть флагштока была привязана к ведру колодца-журавля. Теперь неизвестно. И когда её искать – ночью? Или уже утром? Что скажет наблюдатель Володя?..

Думал так Никита, думал. Ну а что ещё надумаешь?

Приглядевшись, он заметил, что метрах в тридцати впереди деревья, кажется, немного расступались, освобождая дорогу, и Никита тут же этим воспользовался – завёл мотор и поехал. Ехать пришлось недолго – впереди дорога вновь становилась тёмной (небо было плотно скрыто стоящими справа и слева деревьями), кусты на ней совершенно непролазными. А если брать немного левее – то в лесу намечалась прогалина, и кочек мало, и кустов нет, светлее, так что ехать вполне можно. Никита сверился с картой: ничего аномального слева от Всклени не было – наоборот, обозначалось, что леса там нет, и лишь только в нескольких местах нарисованы чёрточки, изображающие заболоченность. Да и то местами. Так что если внимательно следить за навигатором и не уклоняться слишком влево, к деревне Всклень можно добраться и окружным путём.

И Никита поехал.

С места машина взяла хорошо, так что около километра он мчал как по накатанному. В сгущающейся мгле он видел теперь только очертания местности, а потому лужицы принимал поначалу за зелёную травку. Из-за рёва мотора ему было не слышно, как чавкает под колёсами вода, и только когда брызги начали лететь прямо в него, Никита осознал, что местность становится всё более топкой. Следуя указаниям навигатора, который упрямо заставлял его забираться вправо, Никита пытался ехать в правую сторону. Но рельеф и растительность препятствовали этому – деревья стояли очень близко друг к другу, тогда как левее расстилалось свободное пространство безлесной луговины, слегка поросшей мелкими редкими кустами. Странно – ведь если следовать карте и тому, что указывала спутниковая навигационная система, то никакого тут леса и в помине нет, а всё такая же приболоченная луговина и должна до самой Всклени тянуться.

Оставалось одно – делать гораздо больший круг, чем планировалось. Выходило, что вокруг этой Всклени везде такая местность – мелколесье, луг с элементами болота, со стороны Анафилактовых выселок – лес, а со стороны, наиболее близкой к цивилизации, – поле, река и приятные рощицы на холмах. На этой местности основная игра и проходила – но нет вот, взбрело в головы разработчикам отправить Никиту и Артёма в эту глушь.

Никита, подсветив себе фонариком, развернул бумажную карту, увидел, что леса и болота тянутся влево от Всклени бесконечными километрами в глубь Псковской области, покопался в навигаторе, убедился, что он тоже этой информации не противоречит. На малой скорости поехал вперёд.

Вода и грязь жирно чавкали под колёсами. Колёса начинали проваливаться – каждый раз неожиданно. Включённые фары только портили всё дело – ближний свет не давал возможности видеть то, что происходит впереди, а дальний менял очертания предметов до неузнаваемости. Никита ехал в тревожном предсумеречном свете. Куда ехал, зачем?..

Медленно, но неотвратно опускался туман.

Никита всё ещё старался держаться как можно правее – Всклень, как обещал навигатор, была уже в районе километра двухсот метров от него. Чуть-чуть ведь осталось!

Но началось болото. Настоящее. Когда мотор вдруг заглох, а соскочивший с седла Никита по колено погрузился в забурлившую мириадами пузырьков топкую жижу, стало ясно – вот оно, болото. Болото ближе к ночи – это лучший подарок для путешественника...

И куда теперь – вперёд или назад? Никита инстинктивно двинулся, конечно, вперёд – толкнул руль квадроцикла. Мощно забулькало и захлюпало. Ощупал днище возле передних колёс – оно погрузилось в жижу. Надо было назад. Что же он наделал...

Никита поднял голову – хотелось на самом деле, задравши морду, выть, как пёс, от тоски и безысходности. На луну – или на что там собаки воют?

И вой раздался. Такой, что Никита, за секунду перед началом этого воя вдохнувший воздуха – просто в миллиард тринадцать миллионов двести девяносто пять тысяч четыреста восемьдесят девятый привычный раз вдохнувший себе спокойненько, этим самым воздухом подавился. Без воздуха остановилось его сердце, и мозг перестал отдавать команды телу.

Всё вытеснил вой.

Низкий, громкий, нечеловеческий вой.

Так воет очень большой, очень беспокойный, очень, конечно, страшный зверь. С огромной, глубокой, мокрой пастью. Далеко он находился, близко – не имело значения. Никита – сейчас минус Никита, Никита, умноженный на ужас, несуществующий Никита – слышал влажное клочкотание и вибрацию гигантского горла.

Как будто это сам он выл, раскрыв пасть.

Себе же в уши выл...

Вой заполнял округу, и болото, погружённое в дрожащую вечернюю мглу, тупым эхом отражало этот звук.

Вой раздался снова.

И снова.

И снова...

Никита инстинктивно прижался к квадроциклу, чувствуя, что своим весом ещё больше вдавливают его в болотную жижу. Он стоял посреди неведомых болот – и где-то не так уж далеко ревел и клочкотал огромным горлом гигантский зверь. Перед которым он, парень ростом почти метр восемьдесят, однако всё равно ещё маленький человек, бессилён.

Оружие – то, что делает слабого сильным, могло бы сейчас помочь...

Только не было у Никиты никакого оружия. Главное оружие – связь с миром, то бишь друг-айфон, – было пригодно разве что как легчайший метательный снаряд. Одноразовый.

Только на топорик и можно было рассчитывать. Никита, сжимая рукоятку топорика, переступал с ноги на ногу, чтобы топкая пучина не засасывала его. Сердце его стучало теперь часто-часто, нагревая кровь, как он чувствовал, почти до состояния кипения.

Рано или поздно зверь должен был появиться. С какой стороны?

Вой прекратился. В наступившей тишине Никита продолжал ждать – вертел головой, пытаясь распороть взглядом серый сумрак, прислушивался. Послышалось далёкое чавканье, как будто месили в болотной жиже чем-то большим и тяжёлым.

Или это шаги чудовища – по болотным хлябям, по скользким кочкам, по топкой трясине? Чудовища, которое приближалось...

Даже привычных звенящих возле уха комаров не было сейчас слышно. Только хлюпающие шаги, только шорох пополам с треском, только тоскливое бульканье.

Мальчик осмотрелся. Нет, это не глаза зверя светятся вдали. И это не глаза, и это... Это просто болотные огни – то ли мох отдаёт в мрачные пространства накопленный за день свет, то ли гнилые колчущки фосфор выделяют. Это всё физика, это настоящее, это можно объяснить, это нестрашно. А вот что это за существо в болоте копошится?

Чудовище стонало и ревели. Снова. И снова. И снова...

Трещали и падали выворачиваемые деревья. Что-то дрожало, плюхалось; кажется, даже волна по болотной жиже пошла.

Взглянув на экран навигатора, Никита принял решение. Вперёд! Всего лишь километр двести метров – и он будет у людей, зыбкая хлябь сменится твёрдой почвой, призрачные болотные огоньки – благословенным электрическим светом или хотя бы животворящим пламенем костра.

Он оставил квадроцикл. Снял с него всё своё имущество, сложил в один ранец. Сейчас Никите было уже безразлично, как отреагируют руководители игры на то, что он бросил технику. Будет утро – и, если выживет, он вернётся за ней. Только бы добежать до треклятой деревни...

Даже найти своих было не так важно. Главное – к людям!

Никита шёл через болото, Никита полз через болото. Никита даже через него плыл – потому что впереди показалась надёжная промежуточная точка. К ней мальчик и двигался. Если он правильно разглядел в сумеречном полусвете, это был большой остров с несколькими деревьями на расположенном в его центре холме. Кажется, белыми берёзами.

Сто метров Никита прошёл. До Всклени километр сто уже.

Пока всё ещё километр сто, хоть островок и явно ближе.

Опять километр сто.

Опять раздался тяжкий вой.

Опять километр сто – навигатор будто издевался. Может быть, в него вода попала – и он попросту завис? Но даже в панической ситуации, еле-еле переводя дыхание, Никита смог трезво объяснить себе: навигатор считает по сто метров. Как меньше тысячи их будет, начнёт мельчить. И по пятьдесят, и по десять, и даже по пять будет фиксировать. Поэтому вперёд, вперёд, на точку!

Этот славный прибор Никите очень нравился. В его айфоне была своя навигация, не хуже. Но в команде личные телефоны у ребят оказались разных моделей и годов выпуска, так что навигаторы раздали всем одинаковые, одной программой настроенные, чтобы не было путаницы, чтобы никто не потерялся.

Держа ранец и навигатор в вытянутой руке над головой, Никита выполз из воды на твёрдую сухую почву. Островок не обманул ожиданий. Правда, он оказался окружён жижей с такими неожиданными провалами в глубину, что в некоторых местах до дна ноги у мальчика не доставали. А там, где доставали, было ещё хуже – болотная топь затягивала. Медленно, но верно затягивала, стоило только чуть замешкаться на одном месте или не найти опоры для рук... Идти к Всклени придётся по этой же самой местности. И в темноте такое передвижение наверняка окажется смертельно опасным.

Но как он будет пробираться с этого острова дальше, Никита пока не думал. Он лежал, смотрел на редкие травинки у себя перед носом, кажущиеся сейчас чёрными. Отдыхал.

А когда смог подняться, с трудом встать на четвереньки и поднять голову, то прямо перед собой, на холме рядом с деревьями увидел большой белый скелет.
Скелет человека.

Глава -2. Чап, чап, чап...

Никита лежал лицом в земле. Минуту лежал, больше лежал, ему было не до подсчёта... Когда заставил себя поднять голову, скелет увидел снова. Не галлюцинацию. Скелет. Или он был чем-то натёрт, или сам светился, тоже как-то излучая фосфор, который имеется в костях. Так или иначе, но скелет зловеще белел. Среди берёз ли, среди ракушек – этого уже было не понять. Темно стало. Вот и белел скелет в темноте.

К скелету Никита не хотел. Собравшись с силами, он посмотрел на экран навигатора и пополз по кромке, отделяющей относительно сухую землю от болотной жижи. В обход, в обход, потом потихонечку снова в болото – и вперёд, в деревню!

Вот уже белеющий скелет не стало видно, как ни поворачивал Никита голову. И в этот момент неведомая болотная тварь заревела где-то совсем близко – да так пронзительно, так жутко, что, потеряв над собой контроль, Никита закричал одновременно с ней. Закричал, в ужасе зажал уши ладонями и рухнул лицом между квакающих кочек...

– Стой! Ну стой же, кому сказала! – В болотной тишине раздался крик. Неприятный – потому что особенно неожиданный. Девчоночий, командный, пронзительный.

Никита вздрогнул.

– Спокойно, спокойно. Ну, иди сюда. Иди! – Дребезжащий высокий голос разрезал вязкое надболотное пространство.

В ответ на эти команды чудовищная глотка заревела и захрипела, как будто этого неведомого монстра душили. Вот она хрипло рявкнула снова – и через мгновение возле Никиты тяжело шлёпнулось тело. Человеческое. Голое.

Нет, не совсем голое – тело зашевелилось, вскочило, и, поскольку находилось оно всего в полуметре от Никиты, стало видно, что это девчонка в коротком, выше колена, сарафане-майке. Грязном, мокром, прилипшем к телу и местами прорванном.

Девчонка пружинисто запрыгала, выбивая из уха воду или грязь, охнув, схватилась за бок, которым, видимо, ударилась при падении. Собралась уже бежать – туда, откуда прилетела. Но тут увидела Никиту.

– Что делаешь? Что ты тут делаешь? – испуганной белкой зацокала девчонка. Она явно не ожидала никого увидеть. Или... человека увидеть не ожидала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.